

ИЗ ПРИЧУДЛИВЫХ орнаментальных переплетений, словно повторяющих знаменитую русскую чернь, выступает название книги: «Доброе слово». Это только что вышедший однотомник известного нашего драматурга-сказочника Владимира Гольдфельда — собрание пьес, написанных им за сорок с лишним лет.

Сорок лет для пьесы-сказки, традиционно относимой к «детскому» репертуару, — срок огромный. Казалось бы, об этих пьесах надо писать в жанре воспоминаний — о том, как «Сказка об Иване-Царевиче, о Земле родимой и Матушке любимой», премьера которой состоялась в дни войны, в 1943 году, принималась зрителями с особым энтузиазмом: в поверженном Коцее Бесмертном и взрослые, и дети видели врага, напавшего на Отчизну... Можно вспомнить яркий спектакль тогдашнего Театра транспорта (1950) «Иван-да-Марья», пользовавшийся едва ли не одинаковым успехом и у детской, и у взрослой аудитории... Можно вспомнить, что эти и другие сказки Гольдфельда идут до сих пор в театрах нашей страны и за ее пределами...

В чем же здесь профессиональный секрет? Думается, прежде всего в том, что в драматургии В. Гольдфельда счастливо соединяются хорошие литературные качества, яркая театральность и знание сценических законов. Мне самому нередко приходилось наблюдать, как ведут себя дети на спектаклях по сказкам Гольдфельда: их реакция всегда бурная, с советами героям, с попыткой вмешаться в действие.

В. Гольдфельд с первого своего драматургического опыта «поймал» то, что считается одним из необходимых

условий театрального зрелища: важность соучастия зрителя, его причастности к происходящему на сцене.

Однако если бы пьесы держались только на удачной компоновке материала и ловко использованных сценических трюках, они были бы не более, чем остроумными однодневками.

Пьесе нужна мысль. Я имею в виду не столько мораль, которая скорее может отпугнуть навязчивостью, а именно мысль, которая должна согреть пьесу. Дети принимают приключения героев так близко к сердцу не потому, что их завлекли особыми сценическими приемами, а потому, что они инстинктивно тянутся к добру, потому, что хотят помочь попавшему в беду герою в его борьбе с хитростью, ложью и злом. Автор находит в сказках свою искреннюю интонацию, изобретательно изыскивает новые повороты действия и в живой, конфликтной, поучительной и в то же время незатейливой форме умеет преподать нравственный урок.

И здесь немаловажную роль играет неизменно присутствующее автору чувство юмора. Нередко отрицательные герои в его пьесах — всякие анчутки, шизгиши, фискальчики, скорпионы — по глупости, жадности попадают в самые потешные ситуации, показывая свое полное ничтожество. Пусть дети видят, что злора, зависть, жадность — это жалкие качества пустых и ничемных людей. Недаром же герои в пьесах Гольдфельда никогда не читаются своими победами, не торжествуют над поверженным врагом, а скорее с чувством безразличия к его ничтожеству стремятся от него избавиться. Именно поэтому такое «вопиющее» отступление от канона русской сказки в «Добром слове», как превращении Бабы-Яги в добрую бабушку, не вызывает таким уж странным: взгляд за пьесой нам хочется верить,

что Баба-Яга не так несправедлива, как ее сказочный прототип.

Я бы мог ограничиться в рецензии на «Доброе слово» только добрыми словами. Однако я слишком серьезно отношусь к творчеству Владимира Гольдфельда и смею надеяться, что и он предпочтет открытую дружескую критику.

Умение его пользоваться подлинным народным сказочным материалом несомненно. Так, пьеса «Золотое поле», написанная по мотивам молдавского фольклора, была переведена на молдавский язык и с успехом шла в Молдавии. Тем не менее автор иногда чрезмерно усложняет сюжетную линию, перегружает пьесу-сказку подробностями, слушается, использует одни и те же приемы. Понятно, что в каждом отдельном случае на сцене это однообразие приемов незаметно, но, собранные в одной книге, они все же бросаются в глаза.

В сборник вошли и две «не-сказочные» пьесы: очевидно, предполагалось дать разностороннее представление о творческом пути автора. Эти пьесы сохраняют творческий почерк автора — сюжетную заинтересованность, живость диалога, постоянно ощущаемый юмор. И все-таки они, мне кажется, несколько нарушают общую стилистику сборника.

В своей рецензии я сознательно не останавливался на подробном разборе каждой сказки — приглашаю прочесть их. Думаю, читатель сделает это с удовольствием, тем более, что большинству такие названия, как «Иван-да-Марья», «Золотое поле», «Мал, да удал», «Меч и прялка», должны быть знакомы как зрителю: я знаю тех, кто в сороковых годах кричал героям: «Осторожно, обернись, здесь Кошечка!» — а в семидесятых годах уже приводил в театр на ту же пьесу своих внучат.

Вл. ПИМЕНОВ

Владимир Гольдфельд.
«Доброе слово». Издательство
«Советский писатель». М.
1980.

- 2 ИЮЛ 1980

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

МОСКВА